

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.
Безъ доставки
на годъ . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсяцъ . . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсяцъ . . 4 р. — к.
Отдѣльн. номера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ . . . 8 р. —
на 9 мѣсяцъ . . 6 р. —
на 6 мѣсяцъ . . 5 р. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею
на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. Сиб. Поварской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА
принимается въ Конторѣ—Сиб.,
Надеждинская, д. 19, кв. 32., а
также въ книж. маг. Вольфа,
Нев., Гостин. дв. № 18.
Въ Томскѣ—въ книжномъ
магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
Редакціи газеты «Сибирь»
Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
газинѣ Александра.

СОДЕРЖАНІЕ: Податной вопросъ въ Сибири.—Десятилѣтіе газеты «Сибирь»! *Авесова*.—Хроника.—Корреспонденціи: съ Джалиндинской пристани, изъ Якутской области, Красноярска, Енисейска, Минусинска, Устькаменогорска и Томской губерніи.—Эпизодъ изъ странствій по Монголіи (окончаніе). *Г. Сафьянова*.—Сандъ-Азимъ-Бай (изъ туркестанскихъ воспоминаній). *К-а*.—Страсть къ мамонтамъ (фельетонъ). *Добродушная Сибиряка*.—Хроника жизни за недѣлю.—Отвѣты редакціи.—Объявленіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ГАЗЕТУ

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1883 ГОДЪ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ ОСТАЕТСЯ ТА ЖЕ.

ЦѢна за годъ 8 рублей.

для новыхъ подписчиковъ на 1883 г. остающіеся экземпляры
за 1882 г. уступаются за 4 рубля.

Адресъ редакціи и конторы на заголовкѣ газеты.

ПОДАТНОЙ ВОПРОСЪ ВЪ СИБИРИ.

Министерство финансовъ, для предполагающейся замѣны подушной подати другими налогами, требуетъ нынѣ возможно подробныя свѣдѣнія о способахъ раскладки подушной подати, практикуемой въ разныхъ губерніяхъ. Управляющіе казенными палатами въ губерніяхъ Сибири истребовали эти свѣдѣнія отъ окружныхъ исправниковъ и отъ чиновниковъ „особыхъ порученій“ въ предположеніи, что они что-нибудь скажутъ новое.

Не знаемъ, впрочемъ, какого рода извѣстія поступятъ отовсюду въ министерство финансовъ, но предполагая собраніе подобныхъ свѣдѣній — чрезъ казенныхъ чиновъ, а особенно наскоро собранныхъ, едва-ли не такой же будетъ прокъ, какъ напр. въ стати стическихъ свѣдѣніяхъ о торговыхъ оборотахъ и прибыляхъ разныхъ торговыхъ заведеній, ежегодно казеннымъ способомъ собираемыхъ.

По всей вѣроятности, министерство найдетъ здѣсь нужныхъ свѣдѣній весьма мало. Для того, чтобы имѣть понятіе о раскладкахъ, не мѣшаетъ познакомиться съ способами, дѣйствующими у разныхъ обществъ. На выдержку мы желаемъ сообщить о способахъ раскладки податей въ Тобольской губерніи въ

сельскихъ обществахъ тюменскаго округа и выбираемъ для этого болѣе порядочную червишевскую волость. Сообщая о способахъ раскладки податей по этой волости, мы желали бы вызвать въ печати подобныя же свѣдѣнія по другимъ мѣстностямъ.

Раскладка податей въ червишевской волости тюменскаго округа Тобольской губерніи практикуется съ давнихъ временъ слѣдующимъ образомъ:

Извѣстно, что во всякой волости или сельскомъ обществѣ есть калѣки, умершіе, послѣ которыхъ не осталось родственниковъ и имущества, безвѣстно отсутствующіе, сосланные, далѣе, въ Сибирь за преступленіе и дурное поведеніе, солдаты, поступившіе по прежнимъ наборамъ и даже частію по жеребьямъ, — всѣ эти лица носятъ названіе „упалыхъ душъ“: раскладка платежей за эти души (до новой, конечно, ревизіи) производится на наличное число годныхъ работниковъ, отдѣльно по каждому сельскому обществу, предварительно раскладки обществами извлекаются разные источники. Напримѣръ: на покрытіе расклада полагаютъ свободныя суммы, имѣющіяся налицо въ обществахъ отъ продажи пашень и покосовъ, выдѣленныхъ на упомянутыя упалыя души, отъ свободныхъ земель въ средѣ запасныхъ на прибылыя души, никому невыдѣленныхъ пашень и покосовъ, отъ отдачи въ аренду рыболовныхъ рѣкъ и озеръ, отъ выдачи приговоровъ на открытіе кабаковъ, отъ отдачи въ аренду содержанія водопойныхъ прорубей, особенно при большихъ дорогахъ, гдѣ идутъ обозы, отъ прогона полями и лугами скота. Далѣе идетъ доходъ отъ разрѣшенія выдачи увольненій на полученіе паспортовъ, причемъ многими обществами съ отлучныхъ, живущихъ для заработковъ въ дальней Сибири, берутся деньги по 3 рубля, иногда и болѣе съ каждаго за „наряды“, которые за нихъ исполняютъ наличные члены общества, и кромѣ того сельскія общества получаютъ изъ волостныхъ правленій деньги, присланныя съ золотыхъ присковъ Сибири и отъ разныхъ лицъ, проживающихъ въ Сибири же для заработковъ, употребляя деньги ихъ единовременно въ раскладку, а затѣмъ уже и за тѣхъ самихъ до

истечения срока паспорта или впредь до присылки вновь денег общества платятъ тоже раскладкой. Но по многимъ обществамъ бываетъ такъ, что эти „Сибирскія“ (какъ сложилось названіе), деньги, примѣрно 20 рублей, міромъ отдають кому либо изъ своихъ крестьянъ заимообразно на годъ при такихъ условіяхъ, чтобы за деньги процентами уплачивать подати, а деньги полнымъ количествомъ возвратитъ въ общество. Эти 20 рублей иногда нѣсколько лѣтъ идутъ при подобномъ оборотѣ, и затѣмъ по требованію міра цѣлкомъ поступаютъ въ общество. Тотъ же отлучный, при требованіи новаго паспорта высылаетъ опять, хотя примѣрно, 25 рублей, и такъ какъ эта сумма является свободной (потому что первые 20 рублей неизрасходованы—оплачиваются процентами), то и поступаетъ въ раскладку, а также поступаютъ въ раскладку и суммы, взысканныя съ тѣхъ же отлучныхъ сибиряковъ за понесеніе общественной службы. Въ службу они въ дѣйствительности не избираются, а потому деньги ихъ поступаютъ въ полное неотъемлемое распоряженіе общества; такихъ суммъ въ обществѣ является порядочное количество. Въ нѣкоторыхъ обществахъ заведенъ такой порядокъ,—что свободныя суммы, образовавшіяся отъ упомянутыхъ источниковъ, раздаются міромъ своимъ же общественникамъ подъ проценты заимообразно, съ условіемъ платить въ каждую половину года при сборѣ податей по 10 коп. съ рубля процентовъ, на погашеніе сборовъ за упалыя души; такихъ суммъ скопляется въ обществахъ до 500 рублей, слѣдовательно процентами оплачивается въ годъ до 100 рублей, а капитальная сумма изъ года въ годъ остается наличною.

Мірскія деньги по многимъ обществамъ скопляются и отъ другихъ непредвидѣнныхъ предметовъ и иногда, едва накопится мірскихъ суммъ 30 рублей, общество свѣшнѣе отдать ихъ подъ проценты своимъ же крестьянамъ, для того, чтобы они „зря“ не хранились и чтобы нуждающіеся на эти деньги могли поправить свои домашнія нужды. Мірскихъ суммъ отъ упомянутыхъ источниковъ бываетъ въ приходѣ въ теченіи года до 4-хъ рублей на cadaго годнаго работника. Изъ числа сбереженныхъ суммъ расходуютъ также и на другія мірскія потребности, какъ-то: на исправленіе дороги, карауловъ при ледникахъ, поправку мостовъ и другія мелочныя потребности, и затѣмъ, если по ихъ соображеніямъ будетъ недостаточно перечисленныхъ выше суммъ для покрытія раскладкой за упалыя души, въ такомъ случаѣ недостающую сумму раскладываютъ уравниельно на наличное число годныхъ душъ. На скотъ же и другіе предметы въ тюменскомъ округѣ сборовъ не налагаютъ. Въ курганскомъ и ялуторовскомъ округахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробовали, и даже продолжаютъ, но объ этомъ придется поговорить особо.

Такъ какъ нынѣ крестьяне стремятся къ увеличенію хлѣбопашества (ожиданіе желѣзныхъ дорогъ), то за надѣлы упалыхъ душъ начинаютъ платить подати и даже еще уплачиваютъ въ общество по 3 и 5 рублей за душу. Это дѣлается только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нуждаются въ земляхъ и усиливаютъ хлѣбопашество. Гдѣ же земельныя участки не оправдываютъ платежемъ за упалыхъ, тамъ раскладываются платежи за нихъ міромъ, уравниельно, на годныхъ работниковъ.

Любимый способъ раскладки для богатыхъ—„на тягло“—

т.-е. на наличныхъ годныхъ работниковъ, а для бѣдныхъ „на землю“ и „скотъ“, потому что богатые, имѣя гораздо болѣе скота, а нѣкоторые даже обладая „табунами“, за пастбища ничего не платятъ, а между тѣмъ пользуются чрезполосными ихъ участками, пустошами луговъ и полями. Малоимущій классъ крестьянъ, хотя и желаетъ раскладки на землю и скотъ, но желанія своего достигнуть не можетъ, потому что богатые, имѣя болѣе вѣсъ и вліяніе въ обществахъ, препятствуютъ заведенію такого способа раскладокъ. Это послѣднее препятствіе особенно встрѣчается въ ишимскомъ округѣ Тобольской губерніи, гдѣ, какъ ранѣе мы уже писали въ 16 № „Восточнаго Обозрѣнія“—1882 г. богачи упорно поддерживаютъ для своихъ выгодъ нераздѣльность земель по душамъ.

Одновременно съ присланными намъ замѣтками о податныхъ раскладкахъ въ Тобольской губерніи, газета „Сибирь“ въ № 2 посвятила статью тому же вопросу въ виду циркуляра, помѣщеннаго въ № 50 „Иркутскихъ Губ. Вѣдом.“, гдѣ г. губернаторъ разъясняетъ, что, по закону, подати по окладу ихъ считаются лежащими не на каждомъ лицѣ отдѣльно, но на цѣломъ обществѣ или селеніи, по числу душъ, по ревизіи въ немъ состоящихъ или въ послѣдствіи причисленныхъ. Посему внутренняя раскладка податей, въ расчисленіи оныхъ на наличныя души за выбылыхъ, предоставляется самимъ обществамъ и селеніямъ, подъ наблюденіемъ непосредственныхъ ихъ начальствъ“. На этихъ основаніяхъ, продолжаетъ циркуляръ, крестьяне всегда могутъ подлежащую поступленію въ казну подать, по числу состоящихъ въ обществѣ ревизскихъ душъ, раскладывать—за выбылыхъ послѣ ревизіи на наличныя могучія души, состоящія въ обществѣ или селеніи, (не обременяя уплатою податей только тѣ семейства, которыя включены въ ревизію и лишены послѣ ревизіи своихъ членовъ).

По этому поводу газета дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній: „Все это совершенно справедливо, говоритъ „Сибирь“, и въ однихъ случаяхъ уплата податей дѣлается обременительною, а въ другихъ несправедливою. Но извѣстно, что съ уплатою податей связано и владѣніе землею. вмѣстѣ со сложениемъ податей съ извѣстнаго семейства, общество не преминетъ лишитъ это семейство и земли, а между тѣмъ для крестьянина имѣющаго пять—шесть малолѣтнихъ дѣтей,—обыкновеннаго крестьянскаго надѣла—до 4 десятинъ съ паромъ—мало для прокормленія семьи, и онъ охотно уплатитъ подушную подать за мертвую душу, чтобы только не лишиться земли. Съ другой стороны, здѣсь есть много земель, владѣемыхъ крестьянами по праву разработки изъ—подъ лѣса,—но безъ всякихъ записей. При снятіи съ нихъ мертвыхъ душъ,—общества постараются отобрать отъ нихъ эти земли и эти земли разберутъ, конечно, многомошныя семьи. Теперь крестьянинъ—одиночка, оплачивающій, напр. три души, если онъ не въ силахъ обработать ихъ всѣ, или отдаетъ часть ихъ въ аренду отъ 3 до 5 руб. за десятину съ хлѣба, или землю похуже пускаетъ подъ залежь и пользуется съ нея сѣномъ. Напротивъ, многомошныя, имѣющіе нѣсколько взрослыхъ работниковъ, но платящіе только за одну душу, нанимаютъ землю у другихъ“.

„Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земель въ изобиліи, гдѣ однихъ пашень приходится на душу болѣе 5—6 десятинъ и земля поэтому мало цѣнится,—тамъ, продолжаетъ газета,

нѣтъ сомнѣнія, распределеніе платежей по числу взрослых работников принесетъ несомнѣнное облегченіе для бѣдныхъ; въ малоземельныхъ же, подгородныхъ селеніяхъ, гдѣ душевой надѣлъ пахатной земли достигъ уже до 3—4 десятинъ, крестьяне не безъ сожалѣнія разстанутся съ принятымъ ранѣе способомъ раскладки подушной подати.

„Мы опасаемся, говорить „Сибирь“, какъ бы желаніе г. губернатора и его просьба объ ознакомленіи крестьянъ со смысломъ неисполнявшагося доселѣ закона, переходя по инстанціямъ до мельчайшихъ деревушекъ, не повела ко многимъ недоразумѣніямъ, которыми, пожалуй, воспользуются кулаки и мірофды и заберутъ у малодушныхъ всю землю. И теперь, если произвести повѣрку, то окажется, что у богатаго мужика на душу приходится мірской земли 5 десятинъ, а у бѣдняка только 3“.

Крестьянамъ поэтому предстоитъ самимъ вырѣшить, какой способъ уплаты они предпочитаютъ. И такъ, мы имѣемъ уже факты изъ трехъ мѣстъ Сибири: изъ ишимскаго округа Тобольской губерніи (№ 5 „Восточнаго Обозрѣнія“), изъ тюменскаго округа и изъ Иркутской губерніи. Всѣ они одинаково говорятъ, что къ этому вопросу надо подходить съ осторожностью. Приемъ регламентаціи и приказаній, съ которыми подходятъ въ Сибири къ крестьянской жизни пріѣзжіе чиновники, здѣсь не помогутъ. Вопросъ этотъ могутъ рѣшить, не нарушая обоюдныхъ поземельныхъ и податныхъ интересовъ, только сами крестьянскія общества, а формулировать и осмыслить это дѣло предстоитъ сибирскому земству!

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ГАЗЕТЫ «СИБИРЬ».

Газетѣ „Сибирь“ минуло въ нынѣшнемъ году 10 лѣтъ со времени ея основанія. Устроить по этому поводу родъ маленькаго юбилея въ средѣ лицъ, сочувствующихъ развитію мѣстной журналистики въ Сибири, нѣтъ большаго резону, потому что газета „Сибирь“ въ началѣ изданія еще не можетъ быть названа мѣстнымъ органомъ и выразителемъ желаній мѣстнаго общества. Такою она стала только, когда перешла въ руки г. Вагина и г. Загоскина въ іюль 1875 г., слѣдовательно, если сибиряки и полагаютъ за нужное почтить это обстоятельство какимъ-нибудь внѣшнимъ проявленіемъ чувства, то приличнѣе это сдѣлать въ іюль 1885 года, а не въ январѣ нынѣшняго. Но тѣмъ не менѣе мы воспользуемся воспоминаніемъ о зарожденіи этого мѣстнаго органа печати, какъ благовиднымъ предлогомъ къ тому, чтобы сдѣлать краткій обзоръ исторіи развитія сибирской журналистики. Первою частною газетой въ Сибири былъ „Амуръ“. Онъ издавался въ началѣ 60-хъ годовъ, къ которымъ вообще относится немало добрыхъ начинаній. Въ Иркутскѣ въ то время, какъ и въ другихъ мѣстахъ, началось оживленіе въ обществѣ. Все свѣжее и честное любило сходиться въ читальню г. Шестунова, которая была составлена очень добросовѣстно. Въ ней можно было найти всѣ образцовыя произведенія русской литературы, всѣ переводы серьезныхъ иностранныхъ книгъ и наконецъ рѣдкую коллекцію книгъ, относящихся до Сибири. Въ этой-то читальнѣ сидѣли образованные люди Иркутска побесѣдовать и подѣлиться мыслями; молодые люди ходили сюда поспорить съ старикомъ Щукинымъ, человѣкомъ ученымъ, но старыхъ убѣжденій; нерѣдко ему приходилось отъ увлекающейся молодежи выслушать немало рѣзкихъ словъ, но ученость дѣлала старика необидчивымъ. Въ это время было задумано первое періодическое изданіе въ Сибири;

деньги на изданіе дали иркутскіе купцы Бѣлоголовый и С. Поповъ. Въ газетѣ приняли участіе М. В. Загоскинъ и В. И. Вагинъ, двѣ выдающіяся литературныя силы. Въ „Амурѣ“ едва ли не впервые появились новыя возрѣнія на значеніе золотопромышленности для края, шедшія въ разрѣзъ со старыми. Газета „Амуръ“ существовала не долго. Частная печать была явленіемъ непривычнымъ. Генераль-губернаторы иркутскіе были очень ревнивы и „Амуру“ кажется были сдѣланы предложенія передать изданіе въ казенныя руки, но редація не согласилась и газета умерла. Въ половинѣ 60-хъ годовъ возникаетъ новая сибирская газета, и опять въ Иркутскѣ. Б. А. Милютинъ, юристъ, пріѣхавшій на службу, пробуетъ издавать „Сибирскій Вѣстникъ“. И эта газетка жила недолго. Б. А. Милютинъ разрабатывалъ дѣлательно вопросъ судебной реформы въ Сибири. Въ Иркутскѣ группировались молодые юристы и даже было основано юридическое общество, ожидавшее, но недождавшееся судебной реформы. Наконецъ, въ 70-хъ годахъ въ Иркутскѣ г. Клиндеръ основываетъ третью газету „Сибирь“. Несмотря на то, что эта газета была позднѣйшею, слѣдовательно должна бы быть совершеннѣе, редакціи слѣдовало бы быть опытнѣе, и сотрудникамъ умножиться, но на самомъ дѣлѣ вышло иначе. Газета не только уступала прежнимъ объемомъ, но и качествомъ; и качествомъ даже въ большей степени, чѣмъ объемомъ. Съ большимъ грѣхомъ протянувъ годъ и выпустивъ менѣе половины обязательнаго числа номеровъ, г. Клиндеръ былъ въ положеніи, изъ котораго оставался одинъ выходъ— закрытіе газеты. Въ то время, когда въ Иркутскѣ свѣтлильникъ мѣстной печати угасалъ и весьма слабо теплился, молодые сибирскіе писатели, уже искавшіе выхода, сосредоточили свои силы въ казанской газетѣ Камско-Волжской. Съ прекращеніемъ этой газеты, однако, они остались безъ органа. Въ это время Б. А. Милютинъ, бывшій издатель „Сибирскаго Вѣстника“, по выѣздѣ изъ Сибири продолжавшій интересоваться дѣлами этой области, задумалъ изданіе въ Петербургѣ, специально посвященное Сибири. Начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ Лонгиновъ; по его мнѣнію, Россіи не такъ необходимы были провинціальныя газеты; а потому новыя изданія въ провинціи разрѣшать затруднялись. Литературныя силы однако искали выхода. Кружокъ литераторовъ пришелъ къ мысли пріобрѣсть право г. Клиндера на изданіе газеты „Сибирь“. Переговоры съ г. Клиндеромъ увѣнчались успѣхомъ, но перенесеніе изданія въ Петербургъ было найдено неудобнымъ и менѣе цѣлесообразнымъ; результатомъ всего этого было съ одной стороны изданіе Б. А. Милютинымъ „Сборниковъ свѣдѣній о Сибири“ большими книжками, выходившими въ Петербургѣ, и обновленіе газеты „Сибирь“ новыми силами. Издателемъ и редакторомъ ея вмѣсто г. Клиндера сталъ В. И. Вагинъ.

Новый издатель былъ уже извѣстенъ въ Сибири, какъ авторъ двухтомнаго сочиненія „Сперанскій въ Сибири“, сочиненія, которое за время, протекшее со времени выхода книги Словцова „Историч. Обозрѣніе Сибири“, т.-е. съ половины 30-хъ годовъ, есть единственное крупное явленіе въ исторической литературѣ Сибири. Одновременно въ газетѣ принялъ дѣлательное участіе другой дѣлатель, лицо пользовавшееся огромнымъ уваженіемъ образованныхъ людей г. Иркутска, это М. В. Загоскинъ, къ которому и перешло редакторство. Въ умѣлыхъ рукахъ газета „Сибирь“ совершенно преобразилась. Она была сочувственно встрѣчена мѣстнымъ населеніемъ, какъ истинный выразитель мѣстныхъ нуждъ и желаній, чѣмъ остается и до сихъ поръ, несмотря на всѣ испытанія. До 1881 года „Сибирь“ служила единственнымъ представителемъ мѣстной мысли; въ этомъ году начинается издаваться другая частная газета въ Сибири, именно „Сибирская Газета“ въ Томскѣ.

Газета „Сибирь“ не имѣетъ характера настоящей газеты, которая ежедневно докладываетъ о новостяхъ и событіяхъ дня и явленіяхъ общественной жизни. Для этого, во-первыхъ, нужно было превратить ее въ газету ежедневную, но у издателей не было на это средствъ; во-вторыхъ, соединить характеръ такого періодическаго листка летучихъ городскихъ новостей съ органомъ областныхъ заявленій совершенно невозможно; такой листокъ можетъ существовать только отдѣльно. И если когда-нибудь Иркутскъ доростетъ до изданія такого листка, подобное изданіе безспорно будетъ низшаго типа, чѣмъ современная „Сибирь“.

Въ сибирской жизни послѣдняго времени „Сибирь“ самое свѣтлое явленіе. Она пріютила у себя мѣстныхъ писателей, которые безъ нея не имѣли мѣста, гдѣ высказываться; воспитаніе сибирскаго общества немало ей обязано, изложенныя ею мнѣнія проникли и въ среду сибирской администраціи; будущій разбиратель сибирскихъ архивовъ не одинъ разъ встрѣтитъ казенныя бумаги и доклады, какъ бы списанныя со столбцовъ этой газеты; нѣкоторые мѣстные вопросы впервые подняты и затронуты „Сибирью“. Можетъ быть найдется не одинъ благородный юноша, который былъ поддержанъ и ободренъ голосомъ ея въ своей мелкой, но честной борьбѣ съ окружающей средой и разными препятствіями.

Конечно, не всѣ въ Сибири такого мнѣнія о газетѣ „Сибирь“. Есть лица, которыя гнушаются этой газетой; по ихъ мнѣнію, это органъ, въ которомъ печатаютъ свои глупыя сочиненія сельскіе учителя, священники или наконецъ приказчики. Обличенія, проявлявшіяся въ газетѣ, не разъ вызвали бурю негодованія у раскудахтавшихся дѣятелей на окраинѣ. Не разъ дѣлались представленія о прекращеніи газеты, и если бы это зависѣло отъ мѣстной администраціи, давно бы ея не существовало. Иначе относилось петербургское начальство; находило ли оно существованіе „Сибирь“ полезнымъ, не знаемъ, но что оно считало его безвреднымъ для общаго теченія государственной жизни, объ этомъ свидѣлствуетъ то, что „Сибирь“ существуетъ и до настоящаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же эту огромную окраину Россіи лишить мѣстныхъ органовъ. Весьма прискорбно поэтому было видѣть нападенія и вражду къ представителямъ мѣстной образованности и печати со стороны заѣзжихъ цивилизаторовъ въ Иркутскѣ, и въ то же время небреговавшихъ вести дружбу и знакомство съ кулаками, монополистами, кушавшихъ у нихъ апельсинныя и ругавшихъ вмѣстѣ съ разными кабатчиками мѣстную печать. Подобное же презрѣніе къ провинціальнымъ газетамъ, къ сожалѣнію, замѣчалось и въ Россіи, въ Казани, Новочеркасскѣ и друг. городахъ; въ нихъ, говорили, пишутъ только недоучки и псевдо-писатели, и т. д. Но польза существованія провинціальной журналистики теперь признана высшей администраціей; появленіе множества новыхъ именъ газетъ: „Каспій“, „Терекъ“, „Кубань“, „Волынь“ и пр. указываетъ на это. Мы смѣемъ надѣяться, что и въ Сибири число частныхъ газетъ скоро умножится. Отчего бы, напримѣръ, не имѣть своей газеты торговой и промышленной Тюмени или большому Омску? Боязнь за дурныя послѣдствія отъ развитія провинціальной журналистики не имѣетъ серьезныхъ основаній. Чего можно пугаться отъ ея развитія? Превращенія ея въ средство наживы посредствомъ шантажа, диффамаций и т. п.? Это зло дѣйствительно и отмѣтило собою начало провинціальной журналистики; разные Астраханскіе, Саратовскіе справочные листки, „Донъ“, существовавшій въ Воронежѣ, всѣ они издавались въ такомъ родѣ, что въ читающей публикѣ возбуждали сильныя подозрѣнія въ нравственной чистоплотности редакторовъ. Но замѣчательно, что этихъ-то газетъ и не гнушались губернскія аристократіи, даже иногда лица изъ высшихъ классовъ въ губерніи принимали сами въ нихъ участіе. Впослѣдствіи, когда положеніе про-

винціальной журналистики облегчилось, этотъ сортъ газетъ не могъ существовать рядомъ съ честными изданіями, и гдѣ заводились послѣднія, онъ вымиралъ. Къ чести Сибири на ея почвѣ не было сдѣлано ни одной попытки въ этомъ гнусномъ родѣ. За то явилось другое опасеніе. Можно опасаться, что тѣ лица, въ руки которыхъ попадетъ изданіе провинціальной газеты, отнесутся къ недостаткамъ административнаго строя въ провинціи съ строгимъ приговоромъ, не принимая въ расчетъ, что эти недостатки обуславливаются временемъ. Конечно, желательно, чтобы развитіе провинціальной журналистики совершалось безъ излишняго раздраженія; въ противномъ же случаѣ все-таки надо имѣть въ виду, что горячее перо не есть еще продажное перо, и что миръ можетъ быть восстановленъ всегда и легко на полѣ взаимнаго великодушія. Итакъ, упомянувъ о честномъ десятилѣтнемъ служеніи мѣстнаго сибирскаго органа, мы хотѣли указать на его важное значеніе въ умственномъ развитіи общества. Эти 10 лѣтъ не прошли безслѣдно, это время надо было прожить при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ и вынести незапятнанною репутацію областной печати.

Авесовъ.

Авесовъ

ХРОНИКА.

— Въ «Сибирской Газетѣ», которая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе улучшается, въ № 4, особенно хорошо составленномъ и отличающемся богатствомъ новыхъ фактическихъ данныхъ, помѣщено немало свѣжихъ извѣстій съ китайской границы, о русской торговлѣ съ монголами и пограничныхъ дѣлахъ вообще. Подъ рубрикой «Сибирское обозрѣніе» описывается положеніе нашихъ дѣлъ на границахъ съ Тарбагатайскимъ округомъ китайской имперіи, и дается характеристика китайскаго управителя этого округа генерала Си-Уня. Кромѣ этой большой статьи въ томъ же номерѣ помѣщены корреспонденція изъ китайскаго города Кобдо и замѣтка съ верховьевъ Енисея. Изъ послѣдней мѣстности извѣщаютъ, что прошлою осенью изъ Минусинскаго округа ходило на рыбалку въ Урянхайскую землю 8 крестьянскихъ артелей, которыми было добыто въ верхнемъ Енисеѣ 2,000 пудовъ, въ озерѣ Джаакты-куль 1,000 пудовъ. Названное озеро въ прошломъ году снято въ аренду купцомъ г. Веселковымъ по соглашенію съ урянхайскимъ амбанемъ. Это, кажется, второй примѣръ арендованія заграничныхъ угодій русскимъ купцомъ въ сѣверной Монголіи; первый примѣръ, какъ намъ извѣстно, былъ поданъ иркутскимъ купцомъ Г. И. Посмылинымъ, который арендовалъ обширный участокъ земли на сѣверномъ берегу озера Косогола съ цѣлью устройства скотнаго двора и другихъ хозяйственныхъ заведеній. Если г. Веселковъ своей арендой не вытѣснилъ съ озера Джаакты-куля крестьянскія артели, которыя, можетъ быть, и до него уже тутъ ловили рыбу, то надо радоваться, что эта дружелюбная и честная манера вести дѣла съ подданными чужаго государства начинаетъ распространяться и преобладать надъ старой манерой, игнорировавшей законныя права мѣстныхъ жителей, и ставившей въ заслугу себѣ, что она не пріучаетъ туземцевъ къ сознанію своихъ правъ; новая манера не упускаетъ изъ виду интересовъ будущаго она можетъ создать русскимъ купцамъ добрую репутацію людей совѣстливыхъ и полезныхъ, она пріучитъ вліятельныхъ лицъ въ Монголіи смотрѣть на русскую торговлю, какъ на дѣло полезное, открывающее новые источники богатства въ странѣ и новые мѣстные доходы, а не подрывающее мѣстное народное хозяйство; въ особенности эта миссія будетъ ею совершена полнѣе, если русскіе промышленники будутъ пріучать мѣстное населеніе къ новымъ приѣмамъ. Другія совѣмъ черты въ поведеніи съ туземцами у тѣхъ торговцевъ, которые держатся старыхъ правилъ; тѣ думаютъ только урвать на свою долю, не думая о будущемъ нашихъ торговыхъ сношеній съ Монголіей вообще. Въ томъ же номерѣ корреспондентъ изъ города Кобдо жалуется на недобросовѣстность нѣкоторыхъ кобдинскихъ купцовъ. Онъ пишетъ: «русская торговля развивалась бы успѣшнѣе

же и задумано. Онъ руководился только личными вкусами и не подчинился вѣшнимъ внушеніямъ; въ особенности же ему была противна погоня за медалями или орденами. Это направленіе все болѣе и болѣе начинаетъ проявляться въ пожертвованіяхъ сибирскаго купечества, которое начинаетъ сознавать, какую важную роль оно призвано сыграть въ будущемъ въ исторіи развитія просвѣщенія въ Сибири. Къ числу подобныхъ же жертвователей по личному почину относится и А. М. Сибиряковъ. Всѣ подобнаго рода пожертвованія отличаются большею осмысленностью; такъ и послѣднее пожертвованіе г. Сибирякова должно удовлетворить вѣрно угаданную потребность. Во-первыхъ, такое пожертвованіе кстати къ трехсотлѣтнему юбилею Сибири; деньги предназначаются на изданіе сочиненій по исторіи этого самаго трехсотлѣтія, которое только что миновало; во-вторыхъ, въ Сибири особенно ощущается теперь недостатокъ въ исторической литературѣ; нѣтъ органовъ ни для изданія историческихъ памятниковъ, ни для обработки сибирской исторіи. Наша сибирская молодежь воспитывается безъ знанія исторіи своей области, и когда она обращается съ просьбой указать ей на сочиненія, изъ которыхъ она могла бы познакомиться съ прошлымъ своей родины, не на что указать. Науки въ Сибири пользуются не одинаковымъ покровительствомъ; пользуется имъ болѣе, чѣмъ какая другая, географія; описаніе путей сообщенія и естественныхъ богатствъ нужно для административныхъ соображеній; статистика же не пользуется такимъ почтеніемъ; она нужна для составленія годоваго отчета, но за тѣмъ у ней примѣчается непріятная, нота въ голосѣ, когда она говоритъ о темныхъ сторонахъ нашей жизни. Ну, а у исторіи голосъ совсѣмъ ужъ негодится; она только про одно темное и говоритъ. Поэтому никакого общества историческаго въ Сибири не существуетъ да и въ виду не имѣлось.

Нельзя не принести г. Сибирякову искренней благодарности за то, что онъ поднимаетъ своимъ пожертвованіемъ вопросъ о правѣ существованія этой забытой въ Сибири науки.

Помѣщаемъ слѣдующее пріятное извѣщеніе. Намъ прислана выписка изъ контракта съ рабочими Ниманской золотопромышленной К^о на Амурѣ.

§ 31 гласитъ: „Мы, рабочіе, предоставляемъ управленію компаніи удерживать съ каждаго рубля причитающейся намъ при расчетѣ додачи, одну копѣйку для образованія капитала на постройку въ г. Благовѣщенскѣ дома для престарѣлыхъ или не могущихъ работать принсковыхъ рабочихъ; управленіе компаніи съ своей стороны ежегодно вноситъ, для этой же цѣли, сумму равную той, какая въ этотъ годъ будетъ получена отъ рабочихъ“.

Примѣръ этотъ достоинъ подражанія со стороны и прочихъ золотопромышленниковъ, такъ какъ г-да Хаминовы, Базановы и tutti quanti, щедрые на городскіе воспитательные дома, до сихъ поръ ничего не сдѣлали для обезпеченія участи престарѣлыхъ и измученныхъ на ихъ принскахъ рабочихъ.

Отъ души можно поблагодарить Ниманскую компанію за первую инициативу.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» г. Енгалычевъ помѣстилъ объясненіе имени Ермака, объясненіе впрочемъ извѣстное не одному г. Енгалычеву. Слово Ермакъ то же самое въ устахъ народа какъ и Ермолай, что можно и доселѣ слышать въ русскихъ деревняхъ (напр. въ Тамбовской губерніи). Объясненіе это очень вѣроятное, снимая нѣкоторую тяжесть съ археологовъ, весьма долго изыскивавшихъ корень этого слова (даже въ монгольскомъ), въ то же время охлаждаетъ нѣкоторыхъ претендентовъ на родство съ Ермакомъ. Между прочимъ на сибирскій обѣдъ 1881 прислана была телеграмма отъ какого-то г. Ермакова, который мнилъ себя потомкомъ Ермака, завоевателя Сибири. Оказывается, что большинство Ермаковыхъ на Руси не болѣе какъ потомки Ермолаевъ. Настоящаго же потомка Ермака доселѣ не находилось.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Джалиндинская пристань на р. Амурѣ (близъ ст. Албазинъ) (корресп. „Вост. Обозр.“). Бездождіе прошлаго лѣта въ верховьяхъ Амура повлекло за собою сильное мелководіе и оказало весьма неблагоприятное вліяніе на сообщеніе въ краѣ: почтово-пассажирское сообщеніе, а также и грузовое, съ половины лѣта и до конца навигаціи существовало крайне неаккуратно. Весьма немногіе пароходы пробирались до Срѣтенска и то дорогой не одинъ разъ садились на мель. Къ бездождію—громадные лѣсные пожары дали такой дымъ, что пароходы не могли двигаться по нѣсколькимъ дней, какъ бы за самымъ густымъ туманомъ. Результатъ сего: масса грузовъ не перевезена до мѣста назначенія, часть грузовъ разбросана по станциямъ, а многіе пароходы, не будучи въ состояніи добраться до обыденныхъ мѣстъ зимовки, зазимовали, гдѣ которому пришлось. Такъ какъ по Амуру лѣтомъ, кромѣ пароходнаго сообщенія, береговаго почтоваго не существуетъ, то понятно, какъ бѣдствовали проѣзжающіе. Сверху, по теченію, еще кое-какъ на ботахъ и плотахъ сплавлялись, а ужъ плывущіе снизу, высиживали въ какой-нибудь станицѣ недѣлями или даже мѣсяцами; особенно къ осени, когда все, въ чемъ можно плыть по рѣкѣ, было уже раскуплено. Не говоря уже о времени, можно представить, во что обходилось подобное путешествіе и съ какими лишеніями оно сопряжено: въ нѣкоторыхъ станицахъ нельзя было достать самаго необходимаго изъ пищи *). Не лучше пассажировъ странствовала и почта: корреспонденція лежала въ почтовыхъ конторахъ по нѣсколькимъ недѣлямъ, получалась крайне несвоевременно и неопредѣленно, а сплавляясь на тѣхъ же ботахъ и плотахъ, приходила нерѣдко подмоченною. Но къ этимъ мелочамъ амурцы уже привыкли и не особенно ропщутъ на нихъ, ибо, говорятъ, что дѣло это зависитъ отъ мѣстныхъ физическихъ условій и пока поправить его не въ нашихъ силахъ. Приходится мириться. Ну, а на небрежность или своеобразность порядковъ сибирскихъ почтовыхъ конторъ попенять можно, такъ какъ это дѣло поправимое, да и едва-ли, въ существующемъ видѣ, можетъ быть терпимо. Ждемъ, ждемъ почты! наконецъ, слава Богу! пришла! пришли письма, журналы и газеты чуть не за мѣсяць. Начинаешь просматривать, и вдругъ послѣдніе нумера есть, а первыхъ нѣтъ; не было нѣкоторыхъ изъ нихъ и съ предъидущей почтой; изъ пришедшихъ нехватаетъ нѣсколькихъ среднихъ нумеровъ, да хорошо если придутъ они со слѣдующей почтой, а то сплошь да рядомъ вѣдь совсѣмъ не дождешься ихъ. Не допуская подобной небрежности при отправкѣ редакціями своихъ изданій, а также не допуская ничего подобнаго и въ столичныхъ почтовыхъ экспедиціяхъ, приходится объяснять несправность полученій порядками по тракту стоящихъ почтовыхъ конторъ. Неужели это тоже неизбежное и непоправимое для насъ зло! Неужели нельзя доставлять корреспонденцій по правительственной почтѣ, если ужъ не своевременно, то хоть въ порядкѣ и цѣлости!

Якутская область (корресп. „Вост. Обозр.“). Богдакшайскій улусъ. Вотъ я и на мѣстѣ, черезъ 9½ мѣсяцевъ послѣ снятія своего съ якоря въ Т. Приѣхала сюда 15-го октября. Впрочемъ, это не столько зависитъ отъ меня, сколько отъ здѣшнихъ удобствъ: захала въ такую труппу, куда и почта не ходитъ, приходится пользоваться только оказіями. Это письмо дойдетъ, вѣроятно, не ранѣе

*) Съ открытіемъ зимняго пути проѣзжающіе все еще съ трудомъ пробираются до Срѣтенска, вслѣдствіе большого скопленія почты въ этой станицѣ:—600 верстъ ѣдутъ дней 15 и болѣе. На почтовыхъ-то!

особенное значеніе этому району и повидимому могло бы заставить обратить на него вниманіе.

Между тѣмъ, вотъ уже 8 лѣтъ Бійское городское общество ходатайствуетъ о проведеніи до Бійска телеграфа, на это собраны уже пожертвованія, сборъ произведенъ на телеграфные столбы, деньги давно отосланы; кромѣ того, дума опредѣлила дать для телеграфной станціи даровую квартиру. Въ Бійскѣ былъ даже для предварительнаго осмотра телеграфный чиновникъ. Къ удивленію и огорченію, телеграфъ остался непроведеннымъ, а телеграфная линія прошла на Змѣиногорскъ, хотя эта линія не имѣетъ особаго значенія и нѣкоторые думаютъ, что главная ея услуга будетъ поздравленіе съ днемъ ангела змѣиногорскими горными чиновниками барнаульскихъ собратій. Въ виду торговой важности и государственныхъ интересовъ нѣкоторые гласные бійской думы, не видя доселѣ проведенія телеграфа и потерявъ терпѣніе, рѣшились обратиться въ министерство. Кажется ближе всего объ этомъ позаботиться губернскому городу (Томску) и губернскимъ опекунамъ, но повидимому они отвлечены другими задачами. На многочисленныя приглашенія къ пожертвованіямъ изъ Томска на учреждаемые разные благотворительные пріюты, бійцы иногда отвѣчаютъ слѣдующими краснорѣчивыми письмами, образецъ которыхъ мы приводимъ:

„Искренно сочувствуя предпринимаемому вашимъ п—ствомъ искренно добродѣлю, я съ полною готовностію, для устраиваемой попечительствомъ въ пользу дѣтскаго пріюта лоттерей-аллегри, жертвую дюжину чайныхъ серебряныхъ ложекъ, которыя препроваждаю въ особую посылку. При этомъ считаю долгомъ увѣдомить, что письмо ваше я сейчасъ же сообщилъ всѣмъ болѣе состоятельнымъ жителямъ нашего города, въ надеждѣ, что многіе изъ нихъ отнесутся къ нему сочувственно, но люди эти, изъ одной благодарности за всегдашнее ваше содѣйствіе во всѣхъ нуждахъ и потребностяхъ города Бійска, готовы быть жертвователями столь благотворительной цѣли только въ той увѣренности, что при содѣйствіи вашего п—ства можетъ осуществиться нашего общества завѣтная мечта—проведеніе телеграфа, которая при всемъ стараніи и ходатайствѣ въ теченіи восьми лѣтъ не можетъ осуществиться. Между тѣмъ, съ проведеніемъ телеграфа дѣятельность нашего коммерческаго быта удесятится, и отъ полученной пользы наше общество могло бы служить не одному благотворительному дѣлу. Но что же остается дѣлать, если ни ходатайство общества предъ администраціей и ни матеріальное пособіе телеграфному вѣдомству въ видѣ жертвы наличными деньгами и готовой квартирой, не помогаютъ, остается только смиренно ждать еще неопредѣленное время до проведенія телеграфа...“

Подобные отвѣты довольно ясно намекаютъ, насколько слѣдовало бы позаботиться о настоятельныхъ нуждахъ края. Положимъ, лоттерей-аллегри и попечительство вещь полезная, но вѣдь губернія—житница Сибири съ миллиономъ населенія, съ развивающеюся торговой дѣятельностію, съ ея экономической жизнью, не можетъ же не требовать другихъ заботъ и вниманія къ болѣе капитальнымъ вопросамъ, чѣмъ лоттерей-аллегри.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ СТРАНСТВІЙ ПО МОНГОЛИ.

(Дневникъ г. Сафьянова)

(Окончаніе).

21 августа, простившись съ послѣдними обитателями южнаго склона Саянскаго хребта, мы стали подниматься все выше и выше въ гору и, пройдя 15 верстъ, остановились на ночлегъ. Мѣсто открытое, поросшее изрѣдка кедромъ, только

кедръ здѣсь невысокій. Почва—мѣстами голый камень, а мѣстами сплошь покрыта оленьимъ мхомъ, слой котораго иногда въ аршинъ толщиною и глубже. Озеръ нѣтъ, но на всемъ пространствѣ мы встрѣчали воду, только въ небольшихъ, но многочисленныхъ ручейкахъ, впадающихъ въ Башкемъ. Вечеромъ, когда мы уже пришли на ночлегъ, выпалъ снѣгъ въ четверть аршина; температура значительно понизилась. Утромъ 22 августа мы стали подниматься еще выше въ гору, и въ этотъ день, пройдя верстъ 7-мъ, мы добрались до вершины Саянскаго хребта, который здѣсь уже былъ сплошь покрытъ снѣгомъ.—Мы остановились въ одной изъ болѣе глубокихъ лоцинъ этого хребта. Къ нашему счастью въ лоцинѣ не было снѣгу; окруженная горами, она была защищена отъ вѣтровъ; на днѣ лоцины оказалось небольшое озерко; вся лоцина покрыта была хотя и скудною, но все-таки, зеленою травяною растительностію; изъ кустарниковъ мы встрѣтили здѣсь довольно много кустарной березы и кедроваго славца. Окружающія горы были или совершенно голые утесы, или покрыты крошечными лишайниками.

Съ 22 по 30 августа, мы шли по вершинѣ Саянскаго хребта по направленію на сѣверо-востокъ, не болѣе какъ по 10 верстъ въ день; хотя мы и проходили такое небольшое разстояніе по довольно ровной мѣстности, но все-таки лошади наши страшно уставали, не имѣя почти вовсе корма кромѣ мха и лишайниковъ и проходя по сплошной каменистой дорогѣ. Да и собственное наше состояніе было нелучше бѣдныхъ нашихъ лошадей! Взору нашему представлялись самыя безотрадныя картины; все горы и горы, куда только могъ проникнуть глазъ—ширина хребта, по которому мы шли, мѣстами была верстъ въ 30 и болѣе, мѣстами на немъ стояли какъ бы отдѣльныя сопки; это болѣе высокія вершины этого хребта. Сопки эти, какъ намъ казалось, терялись въ облакахъ.—Разумѣется, если бы у насъ была увѣренность, что чрезъ нѣсколько дней такой мучительной дороги мы будемъ спасены, доберемся до человѣческихъ поселеній, то нельзя было-бы не любоваться тѣми величественными ландшафтами, которые открывались намъ со всѣхъ сторонъ. Но при томъ настроеніи духа, въ какомъ мы находились: голодные, озябшіе, со страхомъ погибнуть въ лабиринтѣ этихъ высокихъ и многочисленныхъ горъ, намъ было не до картинъ; въ нашемъ умѣ и воображеніи рисовались другія болѣе мрачныя картины гибели чуть не голодною смертію, вдали отъ семейства и родины. Горькія и тяжелыя минуты пришлось пережить мнѣ въ эти несчастные 8 дней! Во всю свою жизнь я не забуду этихъ дней! Сколько пришлось перенести, передумать, испытать за все это время, это можетъ понять только тотъ, который знакомъ съ жизнью искателя золота, или заблудившагося охотника. Но не на всемъ пройденномъ нами пространствѣ по этому хребту не было лѣсу; мѣстами росъ небольшими рощами кедръ, особенно въ мѣстахъ нѣсколько защищенныхъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и у подножія большихъ высокихъ точекъ этого хребта. На половинѣ пути въ сѣдловинѣ горы мы встрѣтили кедровый лѣсъ болѣе значительнымъ участкомъ и въ немъ слѣды временнаго человѣческаго пребыванія, въ видѣ пирамидальныхъ остововъ, сдѣланныхъ изъ жердей, для устройства коническихъ берестяныхъ юртъ. Хотя бересты мы и не видѣли, но, какъ послѣ я узналъ, временные обитатели этихъ юртъ всегда привозятъ и увозятъ ее обратно. Это царство жердяныхъ

пирамидъ оказалось мѣстомъ ежегоднаго зимняго съѣзда охотниковъ-сойотовъ съ Окинскими бурятами, какъ мнѣ пояснилъ нашъ проводникъ сойотъ.

Къ нашимъ невгодамъ еще прибавилась хромота лошадей отъ неудобнаго пути по голому камню, по грязи, по сучьямъ и колодамъ, чрезъ которыя иногда приходилось перелѣзать и перескакивать въ лѣсу; случалось, что отъ такихъ препятствій лошади расходились въ разныя стороны и намъ было много труда, чтобы направить ихъ на слѣдъ за нашимъ проводникомъ. На наше счастье, во все путешествіе по хребту стояла ясная погода; хотя снѣгъ, выпавшій 21 августа, не ставалъ, за то и не прибавлялся.

30 августа, наконецъ, путешествіе наше по вершинамъ хребта окончилось и мы спустились на сѣверный склонъ хребта въ долину рѣки Тисы, притока р. Оки, какъ намъ заявилъ нашъ проводникъ сойотъ, прибавивъ при этомъ, что его миссія, какъ проводника, выполнена, что далѣе онъ не знаетъ дороги, но что по указанной имъ рѣкѣ мы свободно, безъ всякихъ затрудненій доберемся до бурятскихъ поселеній. Хотя мы и не были увѣрены въ истинѣ всего заявленнаго, да и трудно было быть увѣреннымъ, не видя предъ собою нималѣйшаго чего нибудь, что напоминало бы слѣды человѣка, хотя бы въ видѣ крошечной тропинки, тѣмъ не менѣе я не могъ долѣе задерживать нашего проводника и, вознаградивъ его, кромѣ обѣщанной ему за труды лошади, еще прибавилъ ему въ подарокъ бумажной матеріи для его семейства, чаю и табаку, и, поблагодаривъ его за услуги, мы принуждены были разстаться съ единственнымъ человѣкомъ, бывшимъ съ нами и знакомымъ съ мѣстностію, гдѣ мы тогда находились.

Мѣстность, гдѣ насъ оставилъ нашъ проводникъ, оказалась прекрасной горной луговиной, покрытой довольно сочной растительностію, достаточнымъ кормомъ для нашего табуна, особенно послѣ голой вершины хребта, по которому намъ пришлось странствовать дней десять. Мѣстность эта была отдыхомъ лишь для нашихъ отощавшихъ лошадей; что касается насъ самихъ, душевное настроеніе наше было самое скверное. Явилось много неотвязчивыхъ вопросовъ, на которые мы не могли дать отвѣта. Гдѣ мы? Куда завелъ насъ нашъ проводникъ? Дѣйствительно ли эта рѣчка Тиса и течетъ по направленію къ Ангарѣ? Скоро-ли мы доберемся до человѣческихъ поселеній? Эти и тому подобныя вопросы приводили насъ въ отчаяніе. Весь караванъ раздѣлился на партіи; нѣкоторые настаивали вернуть нашего проводника и, бросивши въ горахъ лошадей, вернуться хотя и пѣшкомъ до предпоследняго сойотскаго улуса. Ропотъ былъ общій, но къ счастью никто изъ рабочихъ меня не обвинялъ и видя, что я больше ихъ страдаю и переношу, вполне мнѣ сочувствовали. Благодаримъ, наконецъ, взяло верхъ, и мнѣ удалось уничтожить расколъ въ нашей компаніи, убѣдивъ всѣхъ, что возвращеніе въ Минусинскъ старымъ путемъ немыслимо. Послѣ окончательнаго и общаго рѣшенія (за безвыходностію нашего тогдашняго положенія) спуститься по долину указанной намъ р. Тисы, мы сдѣлали здѣсь дневку.

31 августа. Мы начали спускаться съ хребта по долину р. Тисы, которая, какъ и всѣ долины горныхъ рѣчекъ, то расширяется до версты и болѣе, то прерывается подходящими съ обѣихъ сторонъ рѣки утесами, дѣлаясь такимъ образомъ непроходимую для массы скота; при такихъ условіяхъ мы

прошли около 30 верстъ до 4 часовъ вечера; къ дальнѣйшему нашему странствованію явилась естественная преграда, которая привела всѣхъ насъ въ новое отчаяніе, и опять возбудила ропотъ среди работниковъ, находившихся уже и такъ въ самомъ возбужденномъ состояніи. Богъ знаетъ чѣмъ могла бы окончиться эта новая вспышка, если бы я не увѣрилъ, что опасаться еще нечего, опасность не такъ велика, что я лично попытаюсь отыскать выходъ изъ этой, какъ мы всѣ называли, западни, гдѣ р. Тиса входитъ въ щели окружающихъ горъ, образуя изъ себя глубокое и довольно большое озеро до 6 верстъ въ окружности. Величину и форму озера я узналъ только на другой день, когда вдвоемъ съ однимъ рабочимъ мы поднялись на одну изъ окружающихъ горъ, чтобы найти болѣе удобное мѣсто для обхода этого озера.— Въ слабой надеждѣ найти какой нибудь выходъ, мы расположились на ночлегъ.

1 сентября. Оставивъ на мѣстѣ ночлега весь нашъ караванъ, я, вдвоемъ съ работникомъ, минусинскимъ мѣщаниномъ Горносталевымъ, поднялся по крутому косоугору, дѣлая зигзаги по прилегающей къ рѣчкѣ горѣ; отправляясь въ эти поиски дороги, мы вмѣли только на пропитаніе одну чашку сухарей. Вся гора поросла лиственницей, вершина горы оказалась очень неширокой, не болѣе 30 сажень; на вершинѣ ея мы нашли небольшую тропинку, пройдя по которой до 200 сажень, мы увидели на ней конскій пометъ. Такая находка могла служить полезнымъ указаніемъ для дальнѣйшихъ нашихъ поисковъ, и потому, конечно, мы очень ей обрадовались, у насъ явилась нѣкоторая надежда на успѣхъ. Выйдя на болѣе открытое мѣсто горы, мы увидѣли слѣдующій ландшафтъ: предъ нами открывалась довольно большая и широкая долина, окруженная горами, поросшими лѣсомъ; въ одномъ углу долины р. Тиса представляетъ изъ себя озеро и затѣмъ, кромѣ р. Тисы, долину пересекаютъ еще двѣ рѣчки, притоки Тисы. Спустившись съ горы въ долину, мы проѣхали по ней около двухъ верстъ; подѣзжая къ одной изъ рѣчекъ, увидѣли самое привлекательное и интересное для насъ зрѣлище: бѣлая лошадь паслась на долину и около нея едва замѣтный дымокъ. Подѣхавъ къ этому дыму, мы увидѣли охотника бурята, приготовлявшаго себѣ жаркое на шашлыкѣ. Я не въ состояніи передать на бумагѣ тѣ чувства радости, которыя я и мой спутникъ испытывали, увидѣвши эту сцену; ихъ можетъ понять только тотъ, кто въ продолженіи 3-хъ недѣль испыталъ, подобно намъ, все то, что мы испытали.

Не зная монгольскаго языка настолько, чтобы объясниться съ охотникомъ, который, замѣчу здѣсь, оказался очень гуманнымъ, раздѣливши съ нами свою трапезу, я все-таки изъ его словъ понялъ, что въ недалекѣ находится бурятское селеніе, въ которомъ есть толмачъ, и что онъ проводитъ насъ до этого селенія.

По приѣздѣ въ селеніе, состоящее впрочемъ только изъ 10 ти юртъ, покрытыхъ дерномъ, я вошелъ въ юрту толмача; онъ хотя и плохо зналъ русскій языкъ, но я кое-какъ съ нимъ разговорился; вначалѣ онъ принялъ меня за купца, приѣхавшаго изъ Иркутска покупать у нихъ скотъ, а затѣмъ, когда я объяснилъ ему, что мы приѣхали изъ-за Саянскаго хребта изъ Монголіи, онъ въ этомъ усомнился; онъ глубоко былъ увѣренъ въ невозможности такого путешествія съ табуномъ лошадей, и принялъ насъ за бѣглыхъ каторжныхъ.

Не знаю, чѣмъ бы окончилась наша аудіенція у толмача, если бы я не догадался о его подозрѣніи и не предложилъ бы купить у него за деньги быка и барана. Купивши быка, мы оставили его у толмача, а барана закололи, и съ мясомъ уже къ вечеру мы вернулись къ своимъ товарищамъ, находившимся въ большомъ страхѣ, какъ за насъ, такъ и за себя.

Наше появленіе, да еще съ такой добычей, какъ баранъ, конечно, было встрѣчено восторженно, а когда мы подѣлились и свѣдѣніями, прибрѣтенными въ бурятскомъ улусѣ, то радости и ликованію не было конца; забылись на время перенесенные труды и лишенія, забыли укоризны, которыя невольно вырывались во время многострадальнаго пути въ отношеніи тѣхъ, которымъ приписывалось всеобщее горе, забыли и то, что впереди еще предстоитъ немало хлопотъ, раньше чѣмъ вернемся домой. 3 сентября, утромъ, съ новыми надеждами, съ радостными лицами, мы вернулись версты три обратно, чтобы обойти озеро, которое задержало насъ, и логомъ поднялись на гору; обогнувши озеро, вышли на то же мѣсто, гдѣ встрѣтили перваго бурята, а къ вечеру со всѣмъ табуномъ пришли въ улусъ къ толмачу, гдѣ купили быка.

4 сентября. Дневка. Весь день посѣщали насъ хозяева улуса. Всѣ были крайне удивлены и заинтересованы нашимъ появленіемъ, но бесѣдовать намъ съ ними не пришлось по той простой причинѣ, что мы не знали ихъ языка, а они нашего.

5 сентября. Мы отправились внизъ по теченію р. Тисы и въ этотъ день прошли версты 25-ть. На всемъ этомъ пространствѣ Тиса протекаетъ извиристо. Между окружающими горами залегаютъ береговья поляны (займища)—то съ одной, то съ другой стороны рѣки; на займищахъ очень часто встрѣчались лѣтнія стойбища бурятъ, юрты изъ бревенъ, крытыя дерномъ да небольшія дворовыя постройки; жителей этихъ лѣтниковъ мы не видѣли; въ это время они всѣ уже откочевали на зимнія стоянки. На ночлегъ мы остановились при одномъ изъ такихъ лѣтниковъ, напротивъ улуса, съ лѣвой стороны по теченію р. Тисы; на займище выходили большіе утесы бѣлаго кварца. Долина Тисы на этомъ мѣстѣ была въ ширину не болѣе 150 саж., покрыта скудною растительностію кормовыхъ травъ; мѣстами бѣлѣлись солончаки.

6 сентября. Мы продолжали наше путешествіе все по той же р. Тисѣ и въ этотъ день прошли версты 20; на ночлегъ вышли на р. Оку, гдѣ встрѣтили бурятскій улусъ, довольно большой. Въ улусѣ мы прибрѣли за 4 рубля пудъ ржаной муки и за рубль съ фунтъ соли, и такъ сказать отвели душу свою этимъ лакомствомъ, котораго уже давно не имѣли. Какимъ вкуснымъ показался намъ — с а т у р а н ъ, приготовленный по бурятски. Это чай съ поджаренной мукой. Но особенно дорога намъ была соль, не по своей цѣнѣ, 1 р. за фунтъ, а потому, что эта необходимая приправа уже давно у насъ истощилась, а намъ—непривычнымъ, и никогда до этого не ѣвшимъ, употреблять конину да еще и безъ соли, было не особенно вкусно.

7 сентября мы отправились долиной р. Оки вверхъ, караульной дорогой, до вершины р. Иркута и затѣмъ начали спускаться внизъ по р. Иркуту на Мондинской караулъ, гдѣ мы 17 сентября встрѣтили скотопромышленника минусинскаго купца Н. Ф. Веселкова, болѣе счастливо прогнавшаго

свой скотъ по новому пути черезъ Монголію на озеро Косоголь и Тунку. Путь этотъ описанъ г. Веселковымъ и напечатанъ въ извѣстіяхъ Императорскаго русскаго географическаго общества.

18 сентября вмѣстѣ съ г. Веселковымъ мы отправились долиной Иркута, по дорогѣ на Тунку, гдѣ я продалъ часть своихъ лошадей, разумѣется съ большимъ убыткомъ, а съ остальными лошадьми, 20 октября, благополучно прибылъ въ Иркутскъ, гдѣ продалъ и ихъ. Все наше странствованіе до Иркутска продолжалось 90 дней; кромѣ потраченнаго времени и понесенныхъ трудовъ, лишеній, страха, я еще понесъ матеріальныхъ убытковъ болѣе, чѣмъ на 1,500 рублей.—Сумма очень значительная, при тогдашнихъ моихъ денежныхъ обстоятельствахъ.

Въ заключеніе могу только сказать, что пройденный нами путь для прогона скота неудобенъ уже потому, что не вездѣ можно имѣть достаточно корма; нѣкоторыя мѣста Саянскаго хребта совершенно безкормные, затѣмъ много переправъ черезъ рѣки, каменистая дорога и, наконецъ, что всего важнѣе, и разстояніе, немногимъ меньше того скотопроегоннаго пути, по которому уже много лѣтъ путешествуютъ минусинскіе скотопромышленники, а именно на Сисимъ, Канскъ и московскимъ трактомъ въ Иркутскъ; разница будетъ приблизительно въ 300 версты.

Георгій Сафьяновъ.

САИДЪ-АЗИМЪ-БАЙ.

(Изъ туркестанскихъ воспоминаній).

Наши завоеванія въ Средней Азіи и занятіе Туркестана, Кокана и другихъ мѣсть, заставили насъ столкнуться и познакомиться съ новою средою инородцевъ, жившихъ своею жизнью, имѣвшихъ свою культуру и представлявшихъ много оригинальныхъ явленій. Этотъ инородческій міръ азіатцевъ представлялъ массу типовъ, которые уловить и понять намъ не всегда удавалось. Здѣсь были свои вожди, своя интеллигенція, аристократія, свои дипломаты, политики, честолюбцы, герои и авантюристы.

Мы познакомимъ съ однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей азіатцевъ, котораго многіе хорошо помнятъ. Эта сила, къ сожалѣнію, въ переходное время была дурно направлена и причинила много затрудненій и своимъ собратьямъ и намъ. Разгадать ее удалось не съ разу. Эта звѣзда имѣла свое время, она достигла высшей точки на своемъ горизонтѣ, а затѣмъ имѣла свое паденіе и закатъ. Мы имѣемъ въ виду воскресить нѣкоторыя воспоминанія и сдѣлать небольшую характеристику этого азіатскаго типа.

Ловкій, умный, смѣтливый, Саидъ-Азимъ - Муххамедъ-Баевъ началъ свою карьеру еще до прихода русскихъ. Происходя отъ рабовъ, онъ сперва и мечтать не смѣлъ о сколько-нибудь самостоятельномъ положеніи, — ему невозможно было выдѣлиться изъ толпы мелкихъ торговцевъ; а душа его между тѣмъ жаждала почестей, богатства, славы, — она не уживалась съ посредственностію. Оставалось одно изъ двухъ: или на вѣкъ проститься со всякими розовыми мечтами и запрягаться въ какую-нибудь темную лавченку гряз-

наго ташкентскаго базара, или же властвовать надъ тѣмъ самымъ обществомъ, которое не хотѣло признать его достоинства и принять въ свою среду. Жребій былъ брошенъ.

Первыя усилія Саидъ-Азима были направлены къ тому чтобы выслужиться передъ ташкентскимъ бекомъ *) и съ его помощью сдѣлаться извѣстнымъ самому хану кокандскому; для этого были пущены въ ходъ всевозможныя средства, въ выборѣ которыхъ онъ не стѣснялся,—подкупъ, навѣты, доносы и т. п., все было хорошо для него, лишь-бы достигнуть завѣтной цѣли. Такимъ образомъ, преодолевая всѣ препятствія, уничтожая всѣхъ противниковъ, постепенно поднимался онъ. Тогда-то поняли его сограждане, что напрасно презирали человѣка, который съ минуты на минуту изъ бѣднаго торговца могъ превратиться въ грознаго повелителя; они почувствовали на себѣ его силу и стали бояться; одни покорно подчинились его вліянію, другіе же, напротивъ, затаявъ свою злобу, стали въ сторонѣ, выжидая удобный случай, чтобы погубить его. Это не ускользнуло отъ прозорливости Саидъ-Азима и заставило его призадуматься. Въ средне-азиатскихъ независимыхъ ханствахъ фортуна до того измѣнчива, что человѣкъ, пользующійся, на примѣръ, самымъ почетнымъ, вполне обеспеченнымъ положеніемъ, никогда не можетъ поручиться за завтрашній день:—мигомъ, благодаря какому-нибудь доносу, безъ всякой основательной причины, онъ можетъ лишиться не только званія и имущества своего, но даже и жизни. Убѣдившись на опытѣ въ непостоянствѣ судьбы, предусмотрительный Саидъ-Азимъ принялся прискивать другой путь къ упроченію своего положенія.

Накопивъ кое-какія средства, онъ понемногу покинулъ административную дѣятельность и, точно судьба его подтолкнула, предался торговлѣ, но не мѣстной, которая не обѣщала большихъ прибылей, а внѣшней, представлявшей его предприимчивому уму болѣе обширное поприще. Войдя въ сношенія съ русскими торговцами, онъ быстро подвинулъ свои торговые обороты и не ограничился однимъ Туркестаномъ и его западными окраинами,—частенько можно было его встрѣтить даже и на нижегородской ярмаркѣ. Однако, несмотря на первоначальный успѣхъ, обѣщавшій много въ будущемъ, честолюбивый Саидъ-Азимъ не былъ въ состояніи удовольствоваться одною торговлею,—его натура стремилась къ болѣе многосторонней дѣятельности.

Тонкое чутье подсказало ему образъ дѣйствій, котораго ему слѣдовало придерживаться. Хотя и смутно, онъ все-таки догадывался,—какую важную, первостепенную роль придется въ недалекомъ будущемъ играть русскимъ въ Средней-Азии. Какъ только русскія войска побѣдоносно вступили въ Туркестанскій край, Саидъ-Азимъ-Бай былъ первымъ, чтобы ихъ встрѣтить. Послѣ этого ничего нѣтъ удивительнаго, что русскіе охотно приняли его услуги: для начала этотъ человѣкъ могъ быть очень полезнымъ.

Правдой и неправдой получивъ доступъ къ нашимъ властямъ, Саидъ-Азимъ немедленно монополизировалъ себѣ это право. Онъ направилъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы по возможности отстранить всѣхъ туземцевъ отъ администраціи и сдѣлаться передаточною, посредничающею инстанціею

между первыми и послѣднею,—чтобы помимо его ничто не творилось; однимъ словомъ, онъ умудрился убѣдить всѣхъ, что безъ него въ городѣ Ташкентѣ ничего нельзя предпринять и что онъ самый необходимый человѣкъ, безъ котораго шага нельзя сдѣлать, ни одной мѣры предпринять, никакого порядка устроить. Добившись этого результата и имѣя противъ всякихъ бѣдъ и напастей твердую, постоянную опору въ нашей администраціи, ему уже нетрудно было воспользоваться плодами своей ловкой политики.

Возбуждая противъ себя негодованіе, вполне справедливое, соотечественниковъ своихъ, Саидъ-Азимъ относился къ этому совершенно равнодушно; онъ зналъ, что его боялись и что онъ въ состояніи принудить къ смиренію каждаго, кто осмѣлился-бы открыто ему противодействовать. Постепенно онъ приобрѣлъ такое громадное вліяніе, что туземное населеніе Ташкента стало считать его вторымъ лицомъ въ городѣ послѣ генераль-губернатора. Противниковъ своихъ Саидъ-Азимъ держалъ въ постоянномъ страхѣ, чему немало способствовали многочисленныя его сторонники; сторонниками же его были: или раздѣлявшіе съ нимъ незаконно-приобрѣтаемыя выгоды, или получавшіе отъ него плату и подарки и служившіе ему послушными орудіями для достиженія его цѣлей, или же, наконецъ, принужденные подчиняться его требованіямъ изъ боязни гоненій.

Благодаря ловкости и изворотливости, Саидъ-Азимъ-Баю всегда удавались всѣ продѣлки, незаконность которыхъ оставалась скрытою отъ русскихъ. Послѣдніе были вполне убѣждены, что этотъ человѣкъ совершенно преданъ ихъ интересамъ. И въ самомъ дѣлѣ, истину было трудно открыть. Саидъ-Азимъ никогда не отказывался ни отъ какой благотворительности (даже въ пользу русскихъ), ни отъ одного пожертвованія, съ замѣчательнымъ гостепріимствомъ и радушіемъ принималъ у себя завоевателей, задавалъ въ честь ихъ пиры и празднества, никогда не упускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы оказать какую-нибудь услугу,—короче сказать, искусно пускалъ пыль въ глаза.

Въ дѣйствительности было совсѣмъ другое.

Передъ русскими и передъ своими соплеменниками Саидъ-Азимъ представлялъ изъ себя два совершенно различныхъ лица. Передъ русскими всегда покорный, ласковый, улыбающійся, предупреждающій малѣйшія желанія, готовый на всякую услугу. Можно было-бы подумать, что преданность его не остановится ни передъ какими жертвами. Въ средѣ же своихъ соотечественниковъ это былъ совсѣмъ другой человѣкъ: чрезвычайно высокомерный, повелительный, отдающій приказанія тономъ, нетерпящимъ противорѣчій, угрожающій наказаніемъ за всякое неповиновеніе, онъ походилъ скорѣе на независимаго хана ташкентскаго, чѣмъ на нашего подданнаго,—мы же были лишь его вѣрными помощниками, добрыми друзьями. Любопытно было посмотрѣть, когда онъ ѣхалъ по туземному городу: въ великолѣпномъ халатѣ, на отличной лошади, покрытой богатою попоною, важно подвигался онъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Встрѣчные обязаны были привѣтствовать его почтительными поклонами,—въ противномъ же случаѣ они подвергались замѣчаніямъ. Тамъ же, гдѣ было большое стеченіе народа, сателлиты его кричали: „Турунгъ-Бай-Каля!“ т. е. встаньте, господинъ ѣдетъ. Ни дать, ни взять, ханъ кокандскій или эмиръ бухарскій. Игралъ въ двойную игру, Саидъ-Азимъ пользовался

*) Еще въ то время, когда Ташкентъ составлялъ отдѣльное бекство и зависѣлъ отъ кокандскаго хана.

каждымъ случаемъ, чтобы выставить насъ въ черномъ свѣтѣ передъ туземцами, а себя выказать единственнымъ ихъ защитникомъ. Очень старательно поддерживалъ онъ въ своихъ соплеменникахъ убѣжденіе, что если-бы его не было, то всевозможныя бѣды непременно обрушились-бы на нихъ, и что если ихъ щадятъ, то единственно по его милости, такъ какъ русскіе страшатся его вліянія въ туркестанскомъ краѣ.

Доискаться истины было тѣмъ труднѣе, что мусульмане, не довѣряя кяфирамъ*), клонились болѣе въ сторону своего единовѣрца. Азимъ-Бай росъ.

Е—ъ.

(Окончаніе будетъ).

СТРАСТЬ КЪ МАМОНТАМЪ.

(ФЕЛЬЕТОНЪ).

На-дняхъ я прочелъ, что въ одно сибирское учрежденіе кто-то пожертвовалъ двѣ окаменѣлости: „найденный нѣсколько лѣтъ тому назадъ огромной величины зубъ мамонта и обломокъ хобота этого животнаго длиною 1¼ аршина“. Окаменѣлый хоботъ! Изумительно! подумалось мнѣ. Этотъ фактъ далъ мнѣ поводъ припомнить многія другія ученныя открытія, сдѣланныя въ Сибири.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, мы помнимъ, въ Сибири была особая „страсть къ мамонтамъ“ и ученнымъ открытіямъ, страсть, кажется, вызванная пріѣздомъ одного просвѣщеннаго начальника, поощрявшаго науку. Всѣ пустились тогда отыскивать мамонтовъ. Кромѣ знаменитаго мамонта, открытаго Шмитомъ, было открыто и немало другихъ мамонтовъ. Такъ изъ Маринскаго округа телеграфировали въ академію наукъ о замѣчательной находкѣ на одномъ пріискѣ. Пока изъ Петербурга командированъ былъ ученый, на мѣстѣ дѣлалъ дознаніе полицейскій чиновникъ. Рапортъ его я имѣлъ честь читать. Въ немъ значилось: „на пріискѣ купца такого-то подъ слоемъ земли на аршинъ глубиною открыта была кожа неизвѣстнаго звѣря, повидимому мамонта, а такъ какъ подъ сею кожей должно было находиться мясо и прочія части животнаго, то я приступилъ къ раскопкѣ. Подъ кожей найденъ бѣлый жирный пластъ, какъ видно жиръ. Копаемъ въ второй день, но до костей еще не дошли. Бросали (жиръ) собакамъ—не ѣдятъ“. Когда пріѣхалъ ученый, то открылъ, что копали слой жирной глыбы, и кто-то дѣлалъ изъ нея даже котлету. Въмѣсто же кожи мамонта къ удивленію оказалась „горная кожа“ (минераль). Но этимъ открытія не кончились.

Вскорѣ одинъ изъ обывателей въ городѣ N, къ которому никакая наука ни съ передняго, ни съ задняго крыльца не проникала, получилъ увѣдомленіе черезъ находящуюся у него въ услуженіи кухарку, что дѣти его, играя въ кучѣ навоза, на пескѣ величественно возвышавшейся во дворѣ сего обывателя, отыскали страннаго вида и значительной величины зубъ. Обыватель былъ не изъ дальнихъ и всю свою жизнь управлялъ инвалидными командами; озадаченный этимъ открытіемъ, онъ препроводилъ изумительный зубъ при слѣдующемъ рапортѣ: „Найдя на дворѣ собственнаго моего дома зубъ странной формы и незаконенныхъ размѣровъ, за неотысканіемъ кому сей зубъ изъ чиновъ вѣреннаго мнѣ команды могъ принадлежать, имѣю честь представить его на зависящее распоряженіе“.

На вопросъ, послѣдовавшій затѣмъ, гдѣ этотъ зубъ найденъ, а также не находится ли еще костей, тотъ же обыватель, боясь какого либо упущенія, а также желая показать рев-

ность въ ученыхъ изысканіяхъ, донесъ, что имъ сдѣлано надлежащее распоряженіе для отысканія другихъ частей тѣла, и также и самаго владѣльца упомянутого зуба, о послѣдствіяхъ чего будетъ немедленно донесено.

Съ этою цѣлью обыватель, изъ инвалидовъ, собравъ вѣренныхъ ему чиновъ мѣстной инвалидной команды, явился для розысковъ подъ его личнымъ наблюденіемъ на берегъ рѣчки Паршивой, такъ какъ по показанію кучера кучи песка добывались съ онаго берега рѣчки. Рѣшено было для отысканія неизвѣстнаго трупа рыть берегъ. Рыли, рыли... Сначала былъ раскопанъ навозъ, потомъ пошелъ щебень, а потомъ наткнулись на особую почву весьма рыхлаго свойства и остраго запаха. Почва эта оказалась историческою почвою города и носила слѣдъ, какъ и была результатомъ долгаго пребыванія въ этихъ мѣстахъ мѣстныхъ инвалидныхъ командъ. Но владѣльца зубовъ, къ величайшему огорченію, отыскано не было, хотя мѣстному полицейскому управленію и предписано было произвести точное дознаніе и розыски, кѣмъ и когда утерянъ упомянутый чрезвычайный зубъ и почему о семъ въ мѣстную полицію дано знать не было; но и само полицейское управленіе остановилось предъ трудностью задачи, рапортуя, что людей съ выбитыми зубами оно можетъ представить сколько угодно, но указать точно кому изъ нихъ можетъ принадлежать упомянутый зубъ, оно рѣшительно затрудняется. Въ заключеніи полицейское управленіе присовокупляло, что по сдѣланной публикаціи въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ владѣльца зуба не явилось и хотя по слухамъ приписываютъ зубъ этотъ потеряннымъ однимъ изъ новобранцевъ, отпавлявшихся въ нѣмѣшнюю навигацію въ Туркестанъ, но за достовѣрность этихъ слуховъ полицейское управленіе ручаться не можетъ. Тогда рѣшено было необычайный зубъ представить въ Петербургъ въ одно ученое общество „на резолюцію“.

Въ отвѣтъ на это послѣдовала въ одномъ изъ обществъ слѣдующая поучительная рѣчь, сказанная петербургскимъ ученымъ:

„Въ послѣднее время въ Сибири развилась необыкновенная страсть отыскивать разныя необыкновенныя рѣдкости и въ томъ числѣ производить раскопки за поисками мамонтовъ. Берутся за это однако люди далеко къ подобнымъ изысканіямъ неспособные и ничего общаго съ наукой неимѣющіе; понятно поэтому, что ихъ усилія оканчиваются только открытіемъ собственной исторической почвы рыхлаго свойства и

*) Кяфиры—невѣрные.

остраго запаха. Настоящій примѣръ служить тому свидѣтельствомъ. Какъ ни бѣдны подобныя открытія результатами и плодами на пользу науки и человѣчества, тѣмъ не менѣе и они даютъ свои уроки, будемъ же благодарны открывателямъ.»

„Въ Сибири, господа, прибавилъ ученый, безсмертіемъ пользуются только скоты въ родѣ мамонта, люди же не оставляютъ послѣ себя кромѣ навоза никакой памяти. Да здравствуютъ же сибирскіе мамонты!!“

Рѣчь эта была покрыта шумными аплодисментами.

Добродушный Сибирякъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Возраженія, сдѣланныя Парвеллемъ Форстеру, не считаются настолько вѣскими, чтобы онѣ могли разсѣять подозрѣнія относительно земельной лиги, зароненныя въ общество показаніями Джемса Кэри. Напротивъ, толки о сношеніяхъ земельной лиги съ „партією непримиримыхъ“ продолжаются. Личность, извѣстная въ процессѣ подъ именемъ „Нумеръ Первый“, дѣятельно разыскивается, а подозрѣнія падаютъ какъ на феніевъ, такъ и на нѣкоторыхъ изъ членовъ лиги, между прочимъ, на феніанскаго генерала Миллена и на О'Доннэля. Говорятъ также о сношеніяхъ лиги съ Шериданомъ, который въ Парижѣ часто посѣщалъ Патрика Эгана, казначея поземельной лиги въ Парижѣ. Кромѣ того, въ кассѣ послѣдней оказывается недочетъ въ 100,000 фунтовъ стерлинговъ,—и это обстоятельство связываютъ съ расходами партіи убійцъ или непримиримыхъ на свои послѣднія предпріятія. Джемсъ Кэри выпущенъ на свободу. Ненависть къ нему ирландцевъ безпримѣрна. Его отель охраняется полиціей, безъ чего, какъ полагаютъ, ему пришлось бы отвѣтить, за свои разоблаченія, жизнью. Аресты въ Лондонѣ и Дублинѣ продолжаются. О'Доннэль въ защиту лиги заявилъ въ парламентѣ, что сношенія ея съ феніями заключаются только въ томъ, что Парвелль привлекъ сотни тысячъ феніевъ на путь законной агитаціи. Ирландская газета „Irish World“, издающаяся въ Нью-Йоркѣ, взываетъ о новой организаціи для борьбы съ правительствомъ; газета предлагаетъ бить Англію по карману, зажечь со всѣхъ сторонъ Лондонъ, Манчестеръ, Ливернуль, Бристоль и Глазго.—Занятія лондонской конференціи по дунайскому вопросу приходятъ къ концу, а между тѣмъ свѣдѣнія о засѣданіяхъ были весьма скудны. Судя по телеграммамъ изъ Лондона, Россія явилась на конференцію съ твердымъ намѣреніемъ отстаивать свои права на Килійское устье и Очаковскій притокъ, какъ на исключительную свою собственность. Конференція предоставила Россіи право на расчистку Килійскаго устья и на приведеніе его въ судоходное состояніе, но съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, чтобы право коллективнаго контроля, установленнаго на парижскомъ конгрессѣ для Дуная и всѣхъ его притоковъ, оставалось попрежнему за европейскими кабинетами.

— Положеніе дѣлъ въ Египтѣ далеко не блестящее. Англійскія реформы пока существуютъ лишь на бумагѣ, финансы еще не приведены въ порядокъ, а содержаніе англійскихъ войскъ требуетъ экстренныхъ расходовъ, обременительныхъ для раззореннаго государства. Въ добавокъ, ненависть народа къ англичанамъ не слабѣетъ. Она выдается каждымъ удобнымъ случаемъ. Недавно на банкетѣ, данномъ префектомъ города Каира въ честь англійскихъ властей, египетскій полковникъ Пакри-бей провозгласилъ тостъ за освобожденіе страны отъ иностранцевъ. Полковникъ долженъ былъ тотчасъ же удалиться, но за то толпы народа на улицахъ встрѣтили и провожали полковника шумными оваціями. Кромѣ того, послѣднія извѣстія изъ Верхняго Египта неблагоприятны. Оказывается, что египетскія войска, посланныя въ Кордофанъ

противъ Магди, разбиты послѣднимъ. Успѣхи фанатика грозятъ возстаніемъ всего Верхняго Египта. Англичанамъ, по всей вѣроятности, придется предпринять экспедицію въ Суданъ.

— Политика короля Милана въ Сербіи вызываетъ безпрерывные протесты народной партіи, остающіеся однако гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Торговыми договорами съ Австро-Венгрією, Германією и Францією сербскіе рынки отданы во власть этихъ государствъ при невыгодныхъ для сербскаго народа условіяхъ; проектомъ „Сербскаго національнаго банка“ двѣ трети акцій будутъ предоставлены вѣнскимъ капиталистамъ; министерство добилось существенныхъ измѣненій въ законѣ о печати и о телеграфахъ. Новымъ положеніемъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право задерживать депеши и органы печати по его усмотрѣнію. Кромѣ того, по слухамъ, правительство намѣрено добиться отъ скупщины особыхъ полномочій королю Милану, чѣмъ и будетъ нанесенъ глубокой ударъ конституціи. Все это вызываетъ глухой антагонизмъ между народомъ и правительствомъ, и сербы съ особымъ интересомъ смотрятъ на посѣщеніе черногорскаго князя Николая княземъ Карагеоргиевичемъ. Въ добавленіе ко всему, налоги и косвенныя подати увеличиваются и ставятъ народъ въ безвыходное положеніе. Особенно ропотъ возникъ при обложеніи податью рогатаго скота.

— Жюль Ферри, президентъ совѣта французскихъ министровъ, намѣренъ принимать самое энергическое участіе въ дѣятельности правительства. Всѣ болѣе важные декреты о назначеніяхъ, раньше подписи Гриви, будутъ представляться ему; онъ будетъ также получать сообщенія о всѣхъ дипломатическихъ депешахъ. Въ „Официальной Газетѣ“ обнародованъ рапортъ военнаго министра, представленный для подписи президенту Гриви объ оставленіи за штатомъ дивизионнаго генерала Людовика Орлеанскаго, герцога Омальскаго; полковника Роберта Орлеанскаго, герцога Шартрскаго и капитана герцога Алансонскаго. Въ сенатѣ былъ сдѣланъ правительству запросъ относительно увольненія орлеанскихъ принцевъ, но послѣ небольшихъ преній большинствомъ 154 голосъ противъ 100 было постановлено перейти къ очереднымъ дѣламъ. По слухамъ, у президента республики Гриви ходатайствуютъ многіе англійскіе ученые и члены парламента о помилованіи князя Крапоткина, мотивируя свое ходатайство значеніемъ осужденнаго для науки. Въ Парижѣ арестовано лицо, подозрѣваемое въ убійствѣ лорда Кэвендиша,—это Байрнсъ, показавшій на допросѣ, что онъ секретарь не ирландской, а англійской земельной лиги и съ убійствомъ въ Фениксъ-паркѣ не имѣетъ ничего общаго. Отрицаетъ свое участіе въ убійствѣ и другое лицо, арестованное въ Гаврѣ по тому-же подозрѣнію. Если показанія ихъ подтвердятся, то оба арестованные будутъ выпущены на свободу вопреки настояніямъ Англии передать подозрѣваемыхъ въ руки ея правосудія.

— Въ Бельгіи, близъ Брюсселя, произошелъ динамитный взрывъ, вслѣдствіе чего арестованы Сира и Метейэ, судившіеся уже за участіе въ Монсо-ле-минскихъ беспорядкахъ; при этомъ полиціи удалось захватить важные документы и напасть на слѣдъ обширнаго анархистскаго, международнаго заговора.

— Въ Римѣ, въ ночь на 15 февраля, взорвано три бомбы: одна близъ помѣщенія австрійскаго посольства при Ватиканѣ; другая при входѣ въ сѣни австрійскаго посольства при римскомъ дворѣ, а третья у квиринальнаго дворца. Взрывами никто не раненъ. Аресты производятся.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— 14-го февраля герцогъ и герцогиня Эдинбургскіе съ старшимъ сыномъ Альфредомъ отбыли изъ Петербурга обратно за границу.

— 16-го февраля, у министра Императорскаго двора графа Воронцова-Дашкова былъ балъ, на которомъ присутствовалъ весь аристократическій Петербургъ. По великолѣпію обста-

способенъ для метеорологическихъ наблюдений. Магнитныя наблюденья были начаты 17-го октября, такъ поздно—вслѣдствіе порчи магнитовъ въ урочищѣ Тась-Ары. Три дня спустя станція была окончательно устроена и начаты правильныя наблюденья по инструкціи.

— Государственный Совѣтъ, согласно представленію министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и утвержденію комитета министровъ, рѣшилъ, какъ сообщаютъ „Кіевлянину“ изъ Петербурга, предоставить преподавателямъ земскихъ школъ тѣ же права государственной службы, какими въ настоящее время пользуются земскіе врачи и нѣкоторыя другія служащія въ земствѣ лица.

— Упраздненіемъ аральской флотиліи, утратившей свое первоначальное военно-морское значеніе съ движеніемъ впередъ нашей средне-азиатской границы, моряки, находившіеся въ Казалинскѣ, возвратятся въ Кронштадтъ, а суда, находящіяся тамъ, будутъ, какъ предполагаетъ «Кронштадтскій Вѣстникъ», переданы частной компаніи, которая возьмется за передвиженіе грузовъ и пассажиродъ по р. Сыръ-Дарьѣ.

— По порученію департамента земледѣлія и сельской промышленности академикъ Миддендорфъ предпринимаетъ весною пилѣшняго года обстоятельное изслѣдованіе состоянія нашего скотоводства, его нужды и потребностей.

— Въ „Сибирской Газетѣ“ напечатана слѣдующая телеграмма: «Зайсанскій постъ, 17-го января. Кабинскій отрядъ Высочайше утвержденъ заграничнымъ. Производятся дѣятельныя приготовленія китайцевъ къ снятію его силою. Мѣръ къ усиленію отряда не принимается; сообщеніе съ Зайсаномъ плохое, весна грозитъ разлитіемъ рѣкъ, отрядъ малъ, не имѣетъ артиллеріи, изолированъ, положеніе его въ тактическомъ отношеніи крайне неудовлетворительное. Киргизы теряютъ вѣру въ силу отряда, падаютъ духомъ и начинаютъ склоняться на сторону Китая. Положеніе отряда, предоставленнаго самому себѣ, опасно; его роль, какъ защитника киргизовъ, незавидная».

— Изъ Сергіополя телеграфируютъ, что бахтинскій купецъ Масловъ беретъ доставить китайцамъ 50,000 пудовъ хлѣба. Цѣна на хлѣбъ у насъ сильно возвышается. Нашимъ киргизамъ угрожаетъ голодное бѣдствіе.

— „Сѣв. Тел. Агентство“ передаетъ изъ Ирбити, что на ярмаркѣ носится слухъ о крупной несостоятельности одного нерчинскаго золотопромышленника, который дѣлъ на ярмаркѣ не имѣлъ; несостоятельность, будто бы, простирается до 6.000,000 руб.

— То же агентство сообщаетъ изъ Верхнеудинска отъ 15-го февраля: бывшая здѣсь ярмарка, сравнительно съ прежними, прошла вяло. Подвозъ товаровъ менѣе прошлогодняго; покупали большею частью въ кредитъ. Учетъ векселей въ банкахъ былъ затруднителенъ; причину относятъ къ разстроеннымъ дѣламъ торговаго дома братьевъ Бутиныхъ, надъ которыми учреждена администрація.

— Въ распоряженіе управленія Императорскаго историческаго музея въ Москвѣ, на пополненіе его памятниками древности, по словамъ „Нов. Времени“, назначено еще 20,000 р. изъ государственнаго казначейства, въ дополненіе къ такой же суммѣ, уже израсходованной на тотъ же предметъ.

— По свѣдѣніямъ «Медиц. Вѣстника», въ самое послѣднее время одна изъ женщинъ-врачей, г-жа Ананьева, опредѣлена, съ согласія высшаго духовнаго начальства, въ Новодѣвичій монастырь, какъ врачъ для монахинь.

— Изъ напечатанныхъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» свѣдѣній и распоряженій по дѣламъ печати видно, что разрѣшено изданіе слѣдующихъ новыхъ повременныхъ изданій: въ Петербургѣ—ветеринару А. Алексѣеву, съ дозволенія предварительной цензуры, двухъ-недѣльный журналъ „Ветеринарное Дѣло“; въ Москвѣ—С. Шаранову еженедѣльная, подцензурная газета „Деревня“; въ г. Бахчисараѣ—Исмаилу-бей Гаспринскому подцензурная еженедѣльная газета на русскомъ и татарскомъ языкахъ «Переводчикъ» (Терджиманъ). Кромѣ

того, произошли слѣдующія переменны въ существующихъ повременныхъ изданіяхъ: а) окончательно прекратились „Отголоски“ и газета «Антрактъ»; б) «Городскія и иногородныя афиши» перешли къ г. Вольфу; в) утверждены: вторымъ редакторомъ г. Якубовскій—въ „Курскомъ Листкѣ“ и г. Кальпингъ—въ латышской газетѣ „Bals“.

— Издатель еврейской газеты „Разсвѣтъ“ прислалъ въ „Нов. Вр.“ заявленіе о временной приостановкѣ выхода изданія.

— 19 февраля, въ 2 часа дня, скончался извѣстный всей Россіи, по своей обширной дѣятельности, книгопродавецъ-издатель Маврикій Осиповичъ Вольфъ, болѣе сорока лѣтъ неутомимо занимавшійся книжнымъ дѣломъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

Въ № 1 нашей газеты былъ напечатанъ отвѣтъ пароходчика Корнилова на упреки, сдѣланные полковникомъ Моисѣевымъ сибирскимъ пароходовладѣльцамъ. Мы должны были дать мѣсто этому письму въ виду обвиненій г. Моисѣева пароходо владѣльцевъ. Заявленіе г. Корнилова, напечатанное у насъ, было представлено и въ министерство финансовъ, по показанію самого г. Моисѣева. Стало быть все, что напечатано у насъ, заявлено даже официально.

Г. Моисѣевъ, признавая показанія г. Корнилова невѣрными, требуетъ напечатанія въ газетѣ нашей его возраженія г. Корнилову. Въ письмѣ своемъ онъ упоминаетъ, что въ 1882 г. имъ подано опроверженіе на эту записку въ «департаментъ мануфактуръ и торговли». Въ доставленномъ объясненіи полковника мы видимъ только голословное отрицаніе того, что говоритъ г. Корниловъ. Все оно сводится къ одному: г. Корниловъ говоритъ неправду.

Не имѣя возможности давать мѣсто безконечной полемикѣ на страницахъ нашей газеты по поводу этой темной экспедиціи, мы можемъ напечатать только въ томъ случаѣ возраженіе полковника Моисѣева, если онъ потрудится доставить въ редакцію доказательства изъ министерства финансовъ, что министерство признало его экспедицію удачной и удовлетворительно выполненной; во-вторыхъ, изъ департамента мануфактуръ удостовѣреніе, что показаніямъ г. Корнилова не придано никакой вѣры, а донесенія его, г. Моисѣева, заслуживаютъ довѣрія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1883 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„СИБИРЬ“

Газета будетъ издаваться по прежней программѣ и выходить въ тѣ же сроки.

Подписка принимается въ Иркутскѣ, въ типографіи Н. Н. Синицына. Иногородные же обращаются непосредственно въ контору редакціи газеты „Сибирь“.

Цѣна съ доставкой и пересылкой за годъ 7 руб., за полгода 4 руб., за три мѣсяца 2 руб. 25 коп., за два мѣсяца 1 руб. 50 коп., за одинъ мѣсяць 75 коп., отдѣльные нумера по 20 коп.